

*Посвящается моим сестрам
Мари Моррисон
и Энн Маклауд*

*моим друзьям
Полу Бейли
и Бриджет Ханниган*

*памятуя
о моей подруге
Саре Дэниэл*

*и посвящается
моей закадычной подруге
Саре Вуд*

Стояла летняя ночь, и в большой
комнате с открытыми окнами в сад они
беседовали о выгребной яме.

Вирджиния Вулф

Боже, сохрани мне память!

Чарльз Диккенс

Как ни безбрежна тьма, мы должны
излучать свой свет.

Стэнли Кубрик

Я вспомнил, как тот человек,
женщина или мужчина, отвел меня
в дальнюю
горную солнечную страну, где я нау-
чился счастьем,
всего лишь минута — в камине те-
плилось пламя,
но оно сожгло бы все беды дотла,
если б могло: зола, подобная той,
о которой скорбим,
пока гробы с обыденным ужасом ру-
шатся
в рев, и дым, и свет, и почти ничто.
Не совсем уж ничто — его воспеваю,
о нем пишу.

Эдвин Морган¹

Она тепла!

Уильям Шекспир

---

¹ Эдвин Джордж Морган (1920–2010) — шотландский поэт, переводчик, эссеист и литературный критик, представитель шотландского Возрождения. Член Королевского общества Эдинбурга. — *Здесь и далее прим. пер.*

1

Все говорили: «Ну и?»

Типа «ну и что?». Типа «пожимали плечами», или «что мне, по-вашему, нужно делать?», или «на самом деле мне похер», или «вообще-то я это одобряю, меня это устраивает».

Ладно, не все так говорили. Это просто разговорное выражение наподобие фразы «все так делают». Я хочу сказать, эта пренебрежительная интонация тогда была четким маркером конкретного времени, чем-то вроде лакмусовой бумажки. Примерно тогда стало модно вести себя так, словно тебе все равно. И модно стало твердить, что люди, которым не все равно или которые так говорили, либо безнадежные неудачники, либо просто выпендриваются.

Как будто это было в прошлой жизни.

Но это не так — прошло буквально несколько месяцев с тех пор, как людей, проживших в этой стране всю жизнь или большую ее часть, начали арестовывать и угрожать им депортацией или депортировать: «Ну и?»

С тех пор как правительство прекратило работу собственного парламента, поскольку тот не смог добиться результата, который был нужен правительству: «Ну и?»

С тех пор как многие люди проголосовали за то, чтобы к власти пришли люди, кто смотрел им прямо в глаза и лгал: «Ну и?»

С тех пор как один континент сгорел, а другой растаял: «Ну и?»

С тех пор как власти предержавшие по всему миру начали делить людей на группы по религиозному, этническому, половому, интеллектуальному признакам или по признаку политического инакомыслия: «Ну и?»

Хотя нет. Правда. Не все так говорили.

Далеко-далеко не все.

Миллионы людей так не говорили.

Миллионы и миллионы по всей стране и по всему миру замечали ложь, дурное обращение с людьми и с планетой и открыто об этом высказывались — на маршах, в акциях протеста, писали, голосовали, говорили, занимались активизмом, по радио, на телевидении, в социальных сетях, твит за твитом, страница за страницей.

В ответ на это люди, знавшие силу слов «ну и?», говорили по радио, на телевидении, в социальных сетях, твит за твитом, страница за страницей: «Ну и?»

Я хочу сказать, что могла бы всю жизнь перечислять, рассуждать и демонстрировать при помощи документов, графиков, примеров и статистических данных то, что, как наглядно показала история, происходит, когда мы равнодушны, и каковы последствия политического культивирования равнодушия, но всякий, кто захочет опровергнуть мои доводы, моментально отмахнется своим язвительным кратким

«ну и?»

Ну и...

Лучше я опишу здесь то, что однажды увидела.

Это кадр из фильма, снятого в Великобритании лет семьдесят назад, вскоре по окончании Второй мировой войны.

Фильм был снят в Лондоне молодой художницей, приехавшей в город из Италии, когда Лондон был одним из множества мест, которые пришлось заново отстраи-

вать в те годы, чуть ли не в прошлой жизни, после того как десятки миллионов людей всех возрастов по всему миру умерли раньше срока.

Это кадр с женщиной, несущим два чемодана.

Женщина изящный, молодой, растерянный и робкий, в щеголеватой шляпе и пиджаке, с легкой, но в то же время отягощенной походкой. Ясно, что она была бы отягощенной, даже если бы он и не нес два чемодана. Он серьезный, стройный, задумчивый, страшно бдительный. Его силуэт вырисовывается на фоне неба, поскольку он балансирует на очень узком кирпичном выступе, проходящем вдоль края высокого здания, и по всей его длине женщина радостно, безрассудно пляшет, а за спиной у него — помятые лондонские кровли; нет, если точнее, эти крыши далеко внизу под ним.

Как он может идти так быстро и при этом не упасть с края здания?

Как его действия могут быть такими сумасбродными, но столь грациозными, такими назойливыми и столь беспечными?

Как он может размахивать вот так в воздухе этими чемоданами и при этом сохранять равновесие? Как он может двигаться на такой скорости рядом с обрывом?

Почему он рискует всем?

Нет смысла показывать стоп-кадр или фото. Это движущееся изображение в полном смысле слова.

Всего несколько секунд он исполняет безумный, но веселый и дерзкий танец над городом, слишком уж быстро двигаясь по зигзагообразному выступу шириною в один кирпич.

Ну и:

Стану ли я героиней повествования о собственной жизни, — говорит мать Саши.

Затем она говорит: Саша, *что* это? Откуда это?

Саша завтракает, глядя в свой телефон, в гостиной. Громкость на телевизоре повышена на несколько лишних делений, и мать его перекрикивает.

Не знаю, — говорит Саша.

Она говорит это на обычной громкости, так что вполне возможно, мать ничего не услышала. Хотя это и не имеет значения.

Героиня собственной жизни, — мать ходит взад-вперед по комнате, повторяя это снова и снова. Героиня собственной жизни, затем что-то про место, которое следует занять. Откуда это?

Как будто это так важно.

Саша качает головой, но так, чтобы не было заметно, что она ею качает.

Мать не догадывается.

Примерно то же самое произошло вчера вечером из-за цитаты, которую Саша нашла в интернете для сочинения о прощении, заданного Мерчистонем к сегодняшнему уроку. В знак того, что прошла неделя после Брексита, всех заставили написать сочинение на тему «Прощение». Саша очень подозрительно относится к прощению. Сказать «я прощаю тебя» — все равно что сказать «ты хуже меня, и у меня моральное или должностное превосходство».

Но за такое правдолюбие Мерчистон снижает оценку на балл, и весь класс теперь точно знает, как следует отвечать, чтобы получать нужные отметки.

Ну и, поскольку сочинение надо сдать уже сегодня, вчера поздно вечером Саша подобрала в Сети пару цитат.

«Как благочестиво высказался писатель прошлого столетия, «прощение — это единственный способ обратиться вспять необратимый ход истории».

Мать снова вошла в ее спальню без стука и посмотрела на экран через Сашино плечо.

Вот это хорошо, эта цитата, — сказала мать. — Мне нравится.

Мне тоже нравится, — согласилась Саша.

А «благочестиво» — подходящее слово? — сказала мать. — Это звучит не благочестиво, а, скорее, философски. Разве это религиозный автор? Кто это написал?

Да, это религиозный автор, — сказала Саша, хоть сама была и без понятия, не знала, кто это написал, и написал слово «благочестиво», потому что оно хорошо звучало в предложении. Но теперь, когда мать дышала ей в затылок, разглагольствуя о том, кто же автор, Саша открыла поисковик и набрала слова «необратимый», «ход», «история». Появилась цитата.

Какое-то европейское имя, — сказала она.

А, это Арендт. Ханна Арендт¹, — сказала мать. — Мне бы хотелось прочитать, что Арендт пишет о прощении, очень хотелось бы прочитать об этом прямо сейчас.

«Забавно», — подумала Саша, учитывая, что мать с отцом уже очень долго ничего друг другу не прощали.

Хотя вряд ли я назвала бы ее религиозным автором, — сказала мать. — Что за источник?

Brainyquote, — сказала Саша.

Это не источник, — сказала мать. — Там приводится первоисточник? Посмотри. Не приводится. Это ужасно.

Brainyquote — и есть источник, — сказала Саша. — Там я и нашла цитату.

Нельзя же указать Brainyquote в качестве источника, — сказала мать.

Можно, — сказала Саша.

Нужна ссылка на первоисточник, — сказала мать. — Иначе непонятно, откуда взяты слова Ханны Арендт.

---

¹ Ханна Арендт (1906–1975) — немецко-американский философ, политический теоретик и историк, основоположница теории тоталитаризма.